

известия - 1999 - 27 июля - с. 7

Дарио Ардженто — последний безумец

Мастер ужаса на Московском фестивале

Роман ВОЛОБУЕВ

Режиссеров, делающих фильмы ужасов, кинокритики и коллеги не видят в упор. А Дарио Ардженто — пария среди парий, потому как нарушает не только нормы, принятые у киношного большинства, но и шаткие законы жанра, согласно которым можно пустить под бензопилу взвод манекенщиц, но ребятишек и собачка непременно спасаются. У Ардженто как раз собачку-то и разделяют с особым смаком и подробностями, причем в двух случаях из трех делает это ребятишек.

Его первая работа (и единственная, которую кинословари не кроют площадными словами) — написанный на пару с Бертолуччи сценарий к «Однажды на Диком Западе». При таком дебюте, при папе — большом продюсере и дедушке-прокатчике из парня определенно должен был бы выйти толк, а вышло черт знает что. Ардженто выбрал ту область кино, где формалин слаще мирры, а единственная награда за успех — миллион фанатов, поровну делящихся на подростков, работников видеотек и вздрагивающих психопатов, которые, дай только срок,

придут с обрезом и начнут рассказывать, что ты единственный, кто по-настоящему понял их мятущуюся душу. Остальные будут считать тебя извращенцем и аморальным типом, потакающими низменным вкусам толпы. Цензура будет кромать твои фильмы, а пограничники не пустят тебя в Россию, говоря, что у тебя неправильная виза.

После того как фестивальным оргкомитетом наконец вырвал Ардженто из лап нашей таможни, продержавшей его почти полдня, я спросил, не жалеет ли он, что стал снимать ужасы, а не последовал, скажем, примеру Бертолуччи.

— Все не так уж плохо, — ответил он. — В шестидесятые годы, когда я начинал заниматься кино, делать ужасы считалось так же зазорно, как снимать порнографию. А сейчас в общественном сознании происходят некоторые подвижки. По сравнению с прошлым веком — уж точно. Вот, скажем, Эдгара Аллана По современная ему критика за пристрастие к детективу и ужасам презирала, он умер в нищете, и только задним числом выяснилось, что, оказывается, он был великим поэтом. А Стивен Кинг неплохо зарабатывает и вообще чув-

ствует себя королем. Так что прогресс налицо.

Почти все нынешние киноради-калы, делающие коммерческое кино по антиголливудским канонам — будь то Мишель Суави, Ламберто Бава или Абель Феррара, — на поверку оказываются арджентовскими выкормышами: один помощником режиссера при нем трудился, другой за пивом бегал.

«Призрак оперы», с которым Ардженто приехал в Москву, не понравился никому: критики привыкли, что радикальное кино должно быть радикальным по форме, и когда им подсовывают провокацию, выполненную в классицистической манере, теряются и бранятся. Новатор и затейник Ардженто, который практически изобрел ручную камеру, чьими визуальными находками последние тридцать лет кормится Голливуд во главе с Брайаном Де Палмой, в «Призраке» шарахается от новшеств как черт от ладана. Фильм от начала до конца снят в натуральных интерьерах (катакомбы Восточной Европы, по которым теперь бродят четвереста крашенных крыс, привезенных из Италии и разбежавшихся во время съемок). Сделанный на одних световых эф-

фектах, без непременно сегодня компьютерной графики, «Призрак» смотрится так, как будто его снимал сектант-ортодокс, пашущий вручную и свято убежденный, что примус и радио — от лукавого.

— На самом деле, — говорит Ардженто, — в фильме есть фрагменты, подвергавшиеся цифровому редактированию. Просто их немного, и они специально сделаны так, чтобы не бросаться в глаза. Ведь действие фильма происходит в прошлом столетии, и мне показалось вполне логичным снять его в соответствующей стилистике. Так что вполне естественно, что, делая, скажем, механического крысолова, я ориентировался не на автомобиль Бэтмена, а на вещи, более близкие духу эпохи — например, на машины, которые в конце XIX века соорудил Жорж Мельес для своих фильмов.

Когда в воскресенье вечером Ардженто сказал, что собирается снимать следующий фильм в России и про современную российскую жизнь, это показалось обычным реверансом вежливости. Однако в понедельник с утра его уже невозможно было поймать: уехал на Воробьевы горы выбирать натуру.

МИХАИЛ КЛИМЕНТЬЕВ

